

DOI: 10.31857/S0130386424060145

© 2024 г. П.В. ШЛЫКОВ

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ТУРЦИИ В НАЧАЛЕ XXI века: ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Шлыков Павел Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России (Москва, Россия).

E-mail: shlykov@mail.ru

Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014

Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Аннотация. Статья посвящена анализу трех периодов российско-турецких отношений, хронологически охватывающих 2000-е, 2010-е и первую половину 2020-х годов. Актуальность исследования определяется тем, что к концу первой четверти XXI в. Россия и Турция по многим направлениям (дипломатическое взаимодействие на глобальном и региональном уровнях, торгово-экономические связи, сотрудничество в области энергетики и военно-технических связей) стали друг для друга приоритетными партнерами. Эта ситуация разительным образом контрастировала с 1990-ми годами, когда Турция по инерции сохраняла блоковую и идеологическую солидарность с «коллективным Западом». В статье обосновывается тезис о динамичной трансформации российско-турецких отношений за последнюю четверть века: для трех выделенных хронологических периодов характерно уникальное соотношение элементов комплементарности и конкуренции, которые определили сменявшие друг друга модели отношений. Современные публикации преимущественно фокусируются на отдельных аспектах взаимодействия двух стран, будь то дипломатическая сфера, энергетика или сюжеты пересекающихся и конкурирующих интересов по конкретным региональным вопросам (Сирия, Ливия, ситуация на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, Закавказье). Вместе с тем комплексный анализ детерминант, определивших процесс трансформации российско-турецких отношений, пока что недостаточно представлен в современных туркологических исследованиях. Статья написана на основе обширной источниковой базы — это официальные документы государственных органов и структур, вовлеченных в реализацию внешнеполитического курса, данные национальной статистики, публикации информационных агентств и ведущих СМИ.

Ключевые слова: Россия, Турция, Ближний Восток, внешняя политика, Реджеп Тайип Эрдоган, В.В. Путин.

P.V. Shlykov**Russia and Turkey in the Early 21st Century: Transformation of Bilateral Interaction Models***Pavel Shlykov, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; MGIMO University (Moscow, Russia).**E-mail: shlykov@mail.ru**Scopus Author ID: 57194032891; ORCID: 0000-0002-0331-430X; Researcher ID: N-3826-2014**This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.*

Abstract. In the article, the author undertakes an examination of three distinct periods in the history of Russian-Turkish relations. From a chronological perspective, these periods encompass the 2000s, the 2010s, and the first half of the 2020s. By the end of the first quarter of the 21st century, Russia and Turkey had begun to accord a higher level of priority to their relations with each other in a number of areas, including diplomatic interaction at the global and regional levels, trade and economic relations, energy and military-technical cooperation. This situation starkly contrasts with the late 1990s, when Turkey demonstrated a tendency to align with the “collective West” in a manner driven by both inertia and ideology. The author posits that Russian-Turkish relations have undergone a dynamic transformation over the past quarter of a century, while each of the periods under consideration exhibiting a unique constellation of complementarity and competition. These two aspects defined the respective models of bilateral relations in each period. Existing research focuses mainly on various discrete aspects of the relationship between the two countries — be it diplomatic interaction, energy, or issues of intertwined or competing interests in specific hotspots and regions such as Syria, Libya, the Middle East, Central Asia, and the Caucasus. At the same time, a comprehensive analysis of the driving forces behind the transformation of Russia-Turkey relations is still lacking in academic publications on Turkey. In order to present such an analysis, this article draws on a number of important primary sources, including official documents of Russian and Turkish state agencies and structures involved in the implementation of foreign policy, national statistics, publications of news agencies, and leading media.

Keywords: Russia, Turkey, Middle East, Russia-Turkey Relations, Eurasia, Recep Tayyip Erdoğan, Vladimir Putin.

Первая четверть XXI в. стала знаковой для российско-турецких отношений с точки зрения их динамичного и при этом нелинейного развития. На контрасте с периодом 1990-х годов, когда Турция по инерции еще находилась в орбите влияния Запада, а Россия в ее внешней политике занимала скорее периферийное положение, с началом 2000-х годов российское направление постепенно вышло на более высокий уровень в иерархии турецких внешнеполитических приоритетов. И для России Турция в этот период стала гораздо более значимым торгово-экономическим партнером и страной, в отношении с которой начало формироваться пространство для сотрудничества и одновременно конкуренции в условиях пересекающихся интересов (Центральная Азия, Южный Кавказ, а позднее и Ближний Восток).

В исследовательской литературе можно встретить различные оценки и объяснения современного состояния и динамики российско-турецких отношений¹. Многие авторы склонны объяснять сближение двух стран и расширение форматов и масштабов взаимодействия Москвы и Анкары личными отношениями В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана как сопоставимых по масштабу сильных харизматичных лидеров, демонстрирующих определенную

¹ Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологемы Турции // Обозреватель — Observer. 2013. № 6 (281). С. 73—88; Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84—92; Özcan G., et al. Kuşku ile Komşuluk. İstanbul, 2017; Baev P. Turkey and Russia // The Routledge Handbook of Turkish Politics. London, 2019. P. 413–425; Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia // The Oxford Handbook of Turkish Politics. Oxford, 2021. P. 585—604.

схожесть в подходах к вопросам организации власти и мировой политики². Еще в середине 2010-х годов редактор *Le Monde* Натали Нугайред в колонке для *The Guardian* метафорично характеризовала Путина и Эрдогана «двумя рассерженными на границах Европы»³. Другие исследователи акцентируют внимание на росте авторитарных тенденций в Турции с конца 2000-х годов и связанных с этим процессах девестернизации и сворачивания либерально-демократических инициатив, долгое время мотивированных перспективой обретения полноправного членства в ЕС. Растущее разочарование в европейском проекте⁴ пропорционально снизило интерес к западной либеральной модели общественного порядка и повысило привлекательность партнерства с Россией и Китаем, лидеры которых, в отличие от европейских и американских политиков, воздерживались от критики турецкой демократии⁵. В современных публикациях можно встретить также точку зрения, что «заигрывание с Кремлем» стало частью внутривластной стратегии Эрдогана по укреплению своей единоличной власти в Турции⁶. Более объективный анализ, в свою очередь, позволил увидеть комплементарность экономик двух стран и в этой специфической экономической взаимозависимости искать объяснение устойчивой тенденции к сближению и диверсификации сотрудничества Москвы и Анкары⁷. Более широкий взгляд на проблематику российско-турецких отношений позволяет вывести геополитические факторы-детерминанты, определявшие характер их развития и динамику трансформации, — окончание холодной войны⁸, эскалация напряженности в отношениях Турции с США и ЕС за последние полтора десятилетия⁹, наконец, ослабление монополии Запада в вопросах мировой политики¹⁰. Теоретическое осмысление характера российско-турецких отношений, в свою очередь, дало возможность с помощью концепта стратегического хеджирования деконструировать логику их нелинейной динамики, пластичности политико-экономического альянса и конкурентного взаимодействия Москвы и Анкары¹¹. В силу комплекса структурно-международных и внутренних факторов Турция стремится использовать уникальное сочетание различных моделей балансирования и стратегического хеджирования ради сохранения и наращивания своей стратегической автономии в международных делах. В этой ситуации Россия, по сути, оказалась для Турции особым ресурсом расширения стратегической автономии, а украинский кризис создал новые возможности.

При всем пристальном внимании к российско-турецким отношениям в исследовательской литературе пока что не представлено комплексного исследования динамики меняющейся комплементарности и соперничества России и Турции по ключевым вопросам их взаимодействия в последние 25 лет. Данная статья призвана заполнить имеющийся пробел, акцентируя внимание на трех периодах российско-турецких отношений — 2000-х, 2010-х и начале 2020-х годов. Трем обозначенным хронологическим промежуткам соответствуют три модели отношений России и Турции, для каждой из которых характерны, во-первых, различные приоритеты и движущие силы, определявшие эти отношения, и, во-вторых, различные структурные особенности баланса между взаимодополняемостью и конкуренцией.

² *Aydıntaşbaş A.* With friends like these // *ECFR*. 23.VI.2016; *Çagaptay S.* Erdogan's Empire. London, 2019. P. 141.

³ *Nougayrède N.* The two angry men on Europe's borders // *The Guardian*. 29.X.2014.

⁴ Шлыков П.В. Куда идет Турция? // Современная Европа. 2013. Т. 53. № 1. С. 58–76.

⁵ *Trenin D.* The Astonishing Likeness of Turkey and Russia // *Carnegie Endowment*. 14.VI.2013; *Taussig T.* The serpentine trajectory of Turkish-Russian relations // *Brookings*. 04.X.2017; *Kubicek P.* Strictly Pragmatism? // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. Vol. 23. № 2. P. 233–250.

⁶ *Kınıkloğlu S.* Turkey's Russia Affair // *The Turkey Analyst*. 23.IX.2019.

⁷ *Öniş Z., Yılmaz Ş.* Turkey and Russia in a Shifting Global Order // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. P. 71–95.

⁸ *Aktürk Ş.* Turkish-Russian Relations After the End of the Cold War (1992–2002) // *Turkish Studies*. 2006. Vol. 7. P. 337–364.

⁹ *Stein A.* Why Turkey Turned Its Back on the United States and Embraced Russia? // *Foreign Affairs*. 06.VII.2019.

¹⁰ *Baltı E., Çelikkpala M.* Op. cit. P. 585–604.

¹¹ *Shlykov P.* The state of strategic hedging: Turkey's foreign policy and relations with Russia // *Russia in Global Affairs*. 2023. Vol. 21. P. 134–158.

Статья основана на анализе разнообразных источников, позволяющих реконструировать динамику российско-турецких отношений за последние два с половиной десятилетия и выявить основные факторы-детерминанты их трансформации — это официальные документы государственных органов и структур, вовлеченных в реализацию внешнеполитического курса¹², данные национальной статистики, публикации информационных агентств и ведущих СМИ. Документы внешнеполитических ведомств вкупе с заявлениями лидеров двух стран¹³ позволили выявить официальный дискурс российских и турецких властей по поводу отношений Москвы и Анкары в контексте меняющейся региональной и глобальной международно-политической конъюнктуры, а также помогли деконструировать модели российско-турецких отношений в динамике их трансформации. Материалы Турецкого статистического института (Türkiye İstatistik Kurumu — TÜİK) и аналогичных организаций позволили изучить конкретное наполнение российско-турецкого взаимодействия в разных сферах. Наконец, дискурс-анализ газетных публикаций ведущих турецких СМИ дал возможность воссоздать общественно-политический контекст российско-турецких отношений, необходимый для понимания их логики и нелинейной траектории развития.

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2000-е годы: ОТ ИДЕОЛОГИИ К ПРАГМАТИЗМУ

Новую страницу в российско-турецких отношениях символично открыло подписание главами внешнеполитических ведомств двух стран в Анкаре 16 ноября 2001 г. «Плана действий по развитию сотрудничества между РФ и Турцией в Евразии»¹⁴. В нем отражалось намерение перейти от формата сугубо двустороннего сотрудничества к региональному взаимодействию «во всех областях в духе дружбы и взаимного доверия»¹⁵ в рамках обширного географического пространства — от Балкан, Средиземноморья и Ближнего Востока до Южного Кавказа и Центральной Азии. План не только содержал дорожную карту по налаживанию кооперации в сфере торговли, культуры и туризма, но прежде всего должен был заложить фундамент для построения нового формата политического диалога между Москвой и Анкарой, начало которого положил официальный визит президента В.В. Путина в Турцию в декабре 2004 г.¹⁶ Приезд российского лидера в Анкару не просто прерывал «32-летнюю паузу в двусторонних визитах высшего уровня»¹⁷, но стал рассматриваться как первый государственный визит главы России в Турцию за всю пятисотлетнюю историю двусторонних отношений¹⁸. В подписанной по его итогам «Совместной декларации об углублении дружбы и многопланового партнерства» отмечался «широкий спектр взаимных интересов и рост политического доверия» и постулировалась необходимость «диверсификации сфер сотрудничества» как императива поступательного развития отношений «двух евразийских стран»¹⁹.

¹² В Турции в процесс выработки и реализации внешнеполитического курса, помимо МИДа, вовлечены Совет по вопросам безопасности и внешней политики, Совет национальной безопасности, Национальная разведывательная организация и Главное управление по массовым коммуникациям при администрации президента.

¹³ Все выступления президента Турции, пресс-коммюнике, интервью и статьи аккумулируются на портале его администрации. См.: Т.С. Cumhurbaşkanlığı // URL: <https://www.tccb.gov.tr/receptauyirperdogan/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁴ План действий по развитию сотрудничества между РФ и ТР в Евразии от 16.11.2001 // URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-rusya-federasyonu-siyasi-iliskileri.tr.mfa> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁵ Rusya ile yeni ortaklık // Milliyet. 23.XI.2001.

¹⁶ В Анкаре состоялась церемония официальной встречи... 06.12.2004 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/32319> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁷ Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014. С. 5—6.

¹⁸ Если не считать визиты Н.В. Подгорного и А.Н. Косыгина в 1970-е годы и Б.Н. Ельцина в 1990-е годы, которые не имели статуса государственных.

¹⁹ Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между РФ и ТР. 07.12.2004 // URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/tr/1660834/> (дата обращения: 10.09.2024).

К началу 2000-х годов совокупность внешних и внутренних факторов, определяющих позитивные тенденции в развитии российско-турецких отношений в разных сферах, достигла «порогового уровня кумулятивного эффекта». У политического руководства России (с избранием В.В. Путина президентом в 2000 г.) и Турции (с приходом власти однопартийного правительства Партии справедливости и развития (ПСР), победившей на выборах 2002 г.) наметилось определенное совпадение подходов по целому ряду острых вопросов мировой и региональной повестки дня. Прежде всего это касалось неприятия монополии США на выстраивание нового порядка на Ближнем Востоке. Новая политическая элита Турции – создатели ПСР Р.Т. Эрдоган, А. Гюль, Б. Арынч – не была склонна к наращиванию показной активности на постсоветском пространстве, столь раздражавшей Москву, отказалась от идеи «Великого Турана» и броских лозунгов времен Т. Озала и С. Демиреля о тюркском мире «от Адриатического моря до Великой китайской стены»²⁰ и в целом демонстрировала сдержанность во внешнеполитической риторике. Это резко контрастировало с подходом турецких политиков 1990-х годов, продолжавших по инерции мыслить в парадигме холодной войны, что существенно осложняло диалог с Москвой по чеченской и курдской проблемам и тормозило налаживание сотрудничества в энергетической сфере. Правительство ПСР постаралось отойти от стереотипов блокового противостояния и демонстрировало нацеленность на выстраивание конструктивного диалога как с США и ЕС, так и Россией, что позволило положить «прагматизм взаимной заинтересованности» в основу поступательного развития российско-турецких отношений в 2000-е годы²¹.

Этот «прагматизм взаимной заинтересованности» обуславливался, с одной стороны, настроем нового поколения политической и бизнес-элиты Турции, с другой – новыми концептуальными подходами к внешней политике и международным отношениям. В 2000-е годы прежние раздражающие факторы в отношениях Москвы и Анкары (восприятие России как источника перманентной угрозы национальной безопасности, обеспокоенность позицией по курдскому вопросу, соперничество в вопросах транспортировки энергоресурсов каспийского региона) либо утратили актуальность, либо были принципиально переосмыслены. В то же время растущее по своим масштабам торгово-экономическое сотрудничество с Россией делало насущно необходимым налаживание конструктивных взаимоотношений с Москвой и учета новых экономических интересов при выстраивании внешней политики, которая концептуально опиралась уже не на старые подходы с идеей Турции как «моста между Востоком и Западом» и «фланговой страны», а ее позиционирование как державы с глобальной внешнеполитической миссией, «центрального государства» для Балкан, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока²².

Шесть принципов внешней политики Турции, сформулированных главным советником Эрдогана по вопросам внешней политики в 2000-е годы проф. А. Давутоглу (баланс между свободой и безопасностью, «ноль проблем» с соседями, инициативная миротворческая дипломатия, комплементарность в международных отношениях, активное участие в решении глобальных проблем и деятельности международных организаций)²³, создавали новую систему координат, где уже не было место прежним идеологическим ограничениям, ранее тормозившим развитие российско-турецких отношений. Кроме того, новые подходы к международным отношениям соотносились с планами включения Турции в орбиту геополитического партнерства в Евразии и показывали ее заинтересованность в поддержании стабильности в неспокойном международном окружении, которую на тот момент в полной мере разделяли в Москве.

К концу 2000-х годов России и Турции удалось успешно завершить переговоры по заключению соглашений о реализации масштабных проектов, определивших вектор развития

²⁰ *Adriyatik Çin'e Türkiye // Cumhuriyet. 24.II.1992. S. 1, 19.*

²¹ *Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Указ. соч. С. 7.*

²² *См.: Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. İstanbul, 2001. S. 107–108, 277.*

²³ *“The Principles of Turkish Foreign Policy” by Ahmet Davutoğlu // Yeni Şafak. 18.I.2010.*

сотрудничества двух стран на ближайшие полтора десятилетия, — строительстве первой в истории страны АЭС на средиземноморском побережье в иле Мерсин (АЭС «Аккую») ²⁴, прокладке Трансанатолийского нефтепровода (Самсун — Джейхан) ²⁵, введении безвизового режима между странами ²⁶ и учреждении Совета сотрудничества высшего уровня ²⁷. Все это позволило лидерам России и Турции говорить о «стратегическом партнерстве двух стран» и практических шагах по его реализации.

«Прорывные соглашения» рубежа 2000-х и 2010-х годов ²⁸ оценивались как более выгодные для турецкой стороны. Проект АЭС «Аккую» по модели «строй — владей — эксплуатируй» нес существенные риски для российских контрагентов в плане окупаемости и сохранения контроля над АЭС и шел вразрез с традиционным подходом российских властей, воздерживавшихся от помощи в развитии атомной энергетики странам, закупающим газ из России. Строительство нефтепровода Самсун — Джейхан российские власти откровенно называли экономически нецелесообразным ²⁹, в то время как турецкая сторона говорила о вторичности экономической составляющей проекта, направленного на разгрузку танкерного трафика в Черноморских проливах и решение экологических проблем ³⁰. Безвизовый режим для туристов также больше отвечал интересам Турции, крайне заинтересованной в наращивании потока отдыхающих из России и удержании лидерства на российском туристическом рынке (достаточно сказать, что соотношение россиян, приезжающих в Турцию, к турецким гражданам, посещающим Россию, составляло примерно 30:1) ³¹. Все это заставляло рассматривать масштабные проекты в Турции как политические инвестиции в поступательное развитие российско-турецких отношений, которое не исключало наличие разногласий по ряду региональных проблем (в оценках «арабской весны», вопросу размещения американской системы ПРО в Турции и др.). Однако расхождения в подходах и взглядах не препятствовали политическому диалогу и не ломали сложившуюся в 2000-е годы модель взаимного доверия и уважения к политическим решениям друг друга. Способность демпфировать реакции на колебания внешнеполитической конъюнктуры отражала накопленный запас прочности в модели отношений между Россией и Турцией, сложившейся в первое десятилетие XXI в.

РОСТ КОМПЛЕКСНОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ РОССИИ И ТУРЦИИ

В 2010-е годы

Отличительной чертой периода 2010-х годов в российско-турецких отношениях стало формирование комплекса детерминант глобального, регионального, межгосударственного и внутриполитического характера, стимулировавших дальнейшее сближение и расширение сотрудничества между Москвой и Анкарой. Во-первых, это очевидное разочарование в «европейском проекте» и в целом в союзнических отношениях с Западом, осознание ограниченности возможностей и перспектив евроинтеграции на фоне европейского долгового кризиса ³². Во-вторых, серьезная внутриполитическая трансформация Турции, в рамках которой обозначились тенденции к установлению «режима конкурентного авторитаризма» ³³

²⁴ T.C. Hükümeti ile R.F. Hükümeti Arasında... // Resmi Gazete. 06.X.2010.

²⁵ Samsun-Ceyhan Petrol Hattı mutabakat metni imzalanıyor // Dünya. 19.X.2009.

²⁶ T.C. Hükümeti ile R.F. Hükümeti Arasında... // Resmi Gazete. 27.VII.2010.

²⁷ Совместное заявление о создании Совета сотрудничества высшего уровня между РФ и ТР. 12.05.2010 // URL: <http://kremlin.ru/supplement/552> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁸ Турецкие СМИ называют визит Медведева «историческим прорывом» // РИА «Новости». 13.05.2010.

²⁹ Проект Самсун-Джейхан экономически невыгоден // РИА «Новости». 02.09.2011.

³⁰ «Анкара настаивает на выполнении проекта строительства нефтепровода “Самсун-Джейхан” — заявил президент Турции А. Пюль, — экономическая сторона строительства вторична». (Турция поддерживает проект нефтепровода «Самсун-Джейхан» // Вести. 09.09.2011.)

³¹ Страны Востока во внешней политике России. М., 2022. С. 75—104.

³² Шильков П.В. Между США, Европой и Евразией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 51—88.

³³ Arslantaş D., Kaiser A. The “Competitive Authoritarian” Turn in Turkey // Third World Quarterly. 2023. Vol. 44. P. 496—512.

и монополии на все ветви власти со стороны Р.Т. Эрдогана³⁴. В-третьих, установление тесных личных отношений между лидерами двух стран — Р.Т. Эрдоганом и В.В. Путиным³⁵. Наконец, прямая и безусловная поддержка российскими властями Эрдогана во время путча 15 июля 2016 г. на фоне двусмысленной реакции на трагические события европейских и американских политиков, которые не спешили с осуждением организаторов попытки госпереворота и выражением поддержки «законно избранной власти в Турции», несмотря на соответствующие запросы по дипломатическим каналам³⁶. Вместо порицания путчистов госсекретарь США Дж. Керри выражал надежду на «мирную стабилизацию ситуации»³⁷, а глава европейской дипломатии Ф. Могерини призвала власти Турции к «сдержанности и уважению демократических институтов»³⁸. Неудивительно, что пресс-секретарь Эрдогана И. Калын, не скрывая досады, писал в своем Twitter, обращаясь к США и ЕС: «Если бы переворот удался, вы бы его поддержали, как в Египте³⁹... теперь мы знаем ваше истинное лицо»⁴⁰. Вскрывшиеся в ходе расследования факты, что среди путчистов были натовские офицеры, а атаковавшие правительственные здания самолеты заправлялись на натовской базе «Инджирлик», вызвали подозрения, что спецслужбы и власти США были в курсе готовившегося переворота, о чем с нескрываемым раздражением стали писать турецкие СМИ⁴¹.

Разочарование в союзниках по НАТО привело к тому, что Турция, которая на протяжении большей части XX в. стремилась к сближению с Западом и демонстрировала успехи в деле интеграции в общеевропейские структуры, в 2010-е годы фактически стала отказываться от идеи «незаменимости Запада» и примата прозападной ориентации. Сохраняя институциональные связи с Западом в виде членства в НАТО, Совете Европы, Таможенном союзе с ЕС, ТРАСЕКА и других общеевропейских проектах и структурах, руководство Турции стало пересматривать внешнеполитические приоритеты и активно наращивать взаимодействие с незападными партнерами, запустив масштабную ревизию своей внешней политики.

В 2010-е годы Россия и Китай вошли в тройку главных внешнеэкономических партнеров Турции, а интеграция и расширение партнерства с такими структурами, как ШОС и БРИКС, символами пост-западного миропорядка, стало рассматриваться как приоритетное направление внешней политики⁴². Сближение с ШОС и БРИКС не только неоднократно декларировалось на разных уровнях⁴³, но и получило практическое воплощение. В 2012 г. Турция добилась статуса диалогового партнера ШОС, став первой страной НАТО, институционализировавшей отношения с этой организацией⁴⁴, в 2018 г. Эрдоган получил приглашение на саммит БРИКС в Йоханнесбурге, где представил план кратного наращивания масштабов торгово-экономического и технологического сотрудничества со странами БРИКС⁴⁵, а с расширением БРИКС в 2024 г. Эрдоган официально заявил о планах Турции также стать ее членом⁴⁶. Практические шаги по расширению сотрудничества и взаимодействия

³⁴ Шлыков П.В. Формула консолидации власти // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 4. С. 116–140.

³⁵ Путин об Эрдогане: «Это человек, который держит слово, мужчина... Он хвостом не виляет». См.: Ежегодная пресс-конференция В.В. Путина. 17.12.2020 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/64671> (дата обращения: 10.09.2024).

³⁶ ABD: O gece bizden destek istendi // Cumhuriyet. 06.VIII.2016.

³⁷ ABD hala delil arıyor! // Sabah. 19.VII.2016.

³⁸ Mogherini F. Call for restraint and respect for democratic institutions #Turkey // Twitter. 16.07.2016. URL: <https://twitter.com/federicamog/status/754068205010690048> (дата обращения: 10.09.2024).

³⁹ Речь о свержении 3 июля 2013 г. в результате военного переворота избранного президента М. Мурси.

⁴⁰ Kalin I. Had the coup succeed, you would have supported it... // Twitter. 20.07.2016. URL: <https://twitter.com/ikalini1/status/755681633039224832> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴¹ FETÖ darbesini ABD'nin desteklediğini ortaya koyan veriler // Yeni Şafak. 20.VII.2016.

⁴² Oğuzlu T. Decoding Turkey's Rise // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. P. 617–636.

⁴³ Шанхайский ход Анкары // Московские новости. 01.VIII.2012. С. 4.

⁴⁴ Erşen E., Köstem S. Turkey's Pivot to Eurasia. London, 2019. P. 93–94.

⁴⁵ Turkey aims to enhance cooperation with BRICS // Anadolu Ajansı. 27.VII.2018.

⁴⁶ Rusya: Türkiye BRICS'e başvurdu // Yeni Şafak. 05.IX.2024.

с незападным миром были облечены в концептуальную рамку в виде инициативы «Снова Азия» (*Yeniden Asya Açılımı*), которую глава турецкого МИД М. Чавушоглу провозгласил на традиционной встрече с послами и представителями дипломатического корпуса в 2019 г. Суть инициативы сводилась к обоснованию императива развития экономического партнерства с ведущими азиатскими державами и разработки дорожной карты по его реализации⁴⁷. В этом ключе стали рассматриваться и возможности дальнейшего углубления сотрудничества с Россией как ключевым союзником Китая.

Еще одним значимым фактором сближения России и Турции стало концептуальное переосмысление турецкими политиками процесса трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны. В 2010-е годы они пришли к осознанию того, что «с уходом в прошлое краткой эпохи однополярного мира обострившаяся борьба за политическое и экономическое влияние расшатала существующий миропорядок и критически снизила эффективность институтов многостороннего сотрудничества... и перед Турцией с ее геополитическим потенциалом встала необходимость генерировать новые идеи, новые инициативы, новые подходы»⁴⁸. За 2010-е годы доля стран БРИКС в мировом ВВП увеличилась с 20% в 2000 г. до более 35% к 2024 г., в то время как за тот же период доля стран G7 снизилась с 42% до 30%⁴⁹, что в представлении многих нивелировало монополию США и Запада в целом на роль гаранта международной безопасности и право «принуждать к соблюдению правил либерального миропорядка»⁵⁰. Подобная ситуация для таких региональных держав, как Турция, позволила расширить пространство для маневра в отстаивании своих интересов и наращивании участия в мировой политике. Появление новых центров силы не только понижало зависимость от Запада, но и давало возможности более тонкого балансирования⁵¹. Из этой логики выкристаллизовалась и стратегия геополитического балансирования между разными центрами силы постбиполярного мира в качестве залога более эффективной защиты своих интересов⁵².

Сложившаяся в контексте «арабской весны» ситуация на Ближнем Востоке способствовала дальнейшему отчуждению Турции от Запада. Политика Вашингтона в Сирии — тесное сотрудничество с курдскими организациями (с точки зрения официальной Анкары, пособниками признанной террористической Рабочей партии Курдистана), и кооперация с Саудовской Аравией, ОАЭ и Израилем (т.е. «региональными антагонистами» Турции) — способствовала заметному нагнетанию напряженности в турецко-американских отношениях, подталкивая Анкару искать альтернативных партнеров для отстаивания своих интересов в регионе. У некоторых наблюдателей даже создавалось впечатление, что чем хуже становились отношения с США, тем охотнее Турция крепила и расширяла региональное взаимодействие с Россией⁵³.

Показательно, что с началом нового витка конфронтации России и Запада, вызванного обострением кризиса вокруг Украины и воссоединением Крыма с Россией в 2014 г., власти Турции четко продемонстрировали приоритетность национальных экономических интересов перед идейно-ценностной солидарностью с западными союзниками, не только не присоединившись к антироссийским санкциям Запада, но и запустившей новые масштабные совместные проекты с Россией (в частности, строительство газопровода «Турецкий

⁴⁷ Çavuşoğlu “Yeniden Asya” açılımını duyurdu // *Yeni Şafak*. 05.VIII.2019.

⁴⁸ 11. Büyükelçiler Konferansı Açılış Konuşması. 05.08.2019 // URL: <https://www.mfa.gov.tr/data/BAKAN/bkon2019.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴⁹ BRICS and G7 countries // *Statista*. 15.VII.2024.

⁵⁰ *Mearsheimer J.J.* Bound to fail // *International Security*. 2019. Vol. 43. P. 7–50.

⁵¹ *Ikenberry G.J., et al.* Introduction // *World Politics*. 2009. Vol. 61. № 1. P. 18–19.

⁵² *Dayal G., et al.* Turkey and the West // *The German Marshall Fund of the US. Policy Paper*. 2020. № 6. P. 1–18.

⁵³ *Dayal G., Keyman E.F.* Turkish-U.S. Strategic Decoupling // *The German Marshall Fund of the US*. 21.II.2019.

поток», который давал Турции, не обладающей существенными запасами энергоресурсов, возможность стать заметным актором мирового энергетического рынка)⁵⁴.

При этом континуум поступательного сближения России и Турции в 2010-е годы оказался разделенным «самолетным кризисом», когда 25 ноября 2015 г. турецкий истребитель F-16 сбил российский фронтовой бомбардировщик Су-24, якобы нарушивший воздушное пространство Турции. За трагическим инцидентом последовал продлившийся более семи месяцев период жесткой конфронтации — замораживание политического диалога на всех уровнях, приостановление экономического сотрудничества, ограничения по финансовым операциям и внешнеторговым сделкам, сужение туристического потока, сворачивание гуманитарных контактов (в соответствии с установкой, сформулированной В.В. Путиным в послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г., что власти Турции «не отделеаются помидорами... и еще не раз пожалеют о содеянном»⁵⁵). Россия развернула на базе «Хмеймим» ЗРК С-400, установив фактически бесполетную зону для турецких ВВС над Сирией⁵⁶, и демонстративно стала взаимодействовать с курдскими Отрядами народной самообороны (Yekîneyên Parastina Gel — YPG), которых официальная Анкара приравняла к террористам из запрещенной РПК, а Москва стала продвигать в роли «важных участников переговорного процесса по Сирии»⁵⁷. В порядке информационного противостояния турецкие газеты обвиняли российские власти в бомбардировках гражданского населения Сирии и связях с «РПК, у боевиков которой обнаружено оружие российского производства»⁵⁸.

Осознание пагубности и бесперспективности дальнейшей деградации отношений с Россией, нанесшей заметный урон национальной экономике и безопасности (особенно на приграничных с Сирией территориях)⁵⁹, подтолкнуло Эрдогана направить Путину «письмо с извинениями», как его окрестили российские СМИ⁶⁰, которое российскому лидеру было передано на саммите ШОС в Ташкенте при посредничестве Н. Назарбаева⁶¹. Вместе с сожалениями и соболезнованиями Эрдоган выражал желание перезапустить стратегическое партнерство с «готовностью к любой инициативе», что в конечном итоге вылилось в трансформацию модели российско-турецких отношений. Если раньше они характеризовались налаживанием тесного сотрудничества в экономической и гуманитарной сфере с элементами политического диалога, то во второй половине 2010-х годов первостепенной доминантой стало взаимодействие по вопросам региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Удивительным образом темы, остававшиеся прежде вне двусторонней повестки дня (в среде экспертов это получило название «компартиментализации отношений»⁶²), оказались преобладающими. Парадокс этой новой модели российско-турецких отношений состоял в том, что существенные различия в подходах Москвы и Анкары к проблемам региональной безопасности и видении ситуации на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточном Средиземноморье не препятствовали диалогу и взаимодействию по этим вопросам.

Во второй половине 2010-х годов проявились две важные отличительные черты новой модели российско-турецких отношений: во-первых, это компромиссность подходов (по чувствительным для Анкары вопросам российские власти стремились учитывать «турецкие

⁵⁴ Необходимо отметить, что при этом Анкара не отказалась от проработки других альтернативных маршрутов транзита нефти и газа из Центральной Азии на Запад, минуя Россию.

⁵⁵ Послание Президента Федеральному Собранию. 03.12.2015 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 10.09.2024).

⁵⁶ *Stepanova E.* Russia's Policy on Syria after the Start of Military Engagement // PONARS Eurasia Policy Memo. 24.II.2016.

⁵⁷ Переговоры по межсирийскому урегулированию в Женеве // РИА «Новости». 25.I.2018.

⁵⁸ Weapons seized in southeast Russian-made: Turkish president // *Hürriyet Daily News*. 02.II.2016.

⁵⁹ *Parlar Dal E.* Impact of the transnationalization of the Syrian civil war on Turkey // *Cambridge Review of International Affairs*. 2016. Vol. 29. P. 1398–1401.

⁶⁰ Эрдоган извинился в послании к Путину // *Ведомости*. 27.VI.2016.

⁶¹ Story of secret diplomacy that ended Russia-Turkey jet crisis // *Hürriyet Daily News*. 09.VIII.2016.

⁶² *Öniş Z., Yılmaz Ş.* Op. cit. P. 71–95.

обстоятельства» или как минимум демонстрировали понимание, не в пример западным союзникам Турции, жестко критикующим «режим Эрдогана»); во-вторых, это нацеленность на создание прочного фундамента для долгосрочного сотрудничества, которое позволило бы на практике реализовать декларируемое стратегическое партнерство («самолетный кризис» показал всю хрупкость российско-турецкой дружбы). И Эрдоган, и Путин, сознавая ограниченность формата взаимодействия исключительно по вопросам региональной безопасности, стремились выйти за рамки сотрудничества по Сирии, чья относительная успешность (реализация совместных военных инициатив, запуск «Астанинского процесса» дипломатического урегулирования в 2016 г. и др.) превратила его в фактор, влияющий на другие сферы отношений, что даже вызвало иллюзию возможности экстраполировать «сирийский опыт» на другие сложные вопросы.

Символами новой модели российско-турецких отношений стали строительство газопровода «Турецкий поток», введенного в эксплуатацию в январе 2020 г., и поставки ЗРК С-400, первый контракт на покупку которых был подписан в 2017 г.⁶³, сделав Турцию единственной страной НАТО, купившей высокотехнологичное российское оружие. При этом сами отношения Москвы и Анкары, несмотря на успехи в достижении компромиссов по острым вопросам регионального сотрудничества, по своей сути сохраняли исторически присущие им черты «конкурентного взаимодействия с элементами геополитического противостояния»⁶⁴. Везде, где Россия и Турция непосредственно взаимодействовали — будь то Сирия, Ливия или регион Южного Кавказа, едва ли находился принципиально важный вопрос, по которому их позиции полностью совпадали. При этом экстраполировать «сирийский опыт» успешного конкурентного взаимодействия на иной региональный контекст — ливийский кризис (2010-е годы), Карабахский конфликт (2020) и др. — оказалось весьма затруднительно и не очень продуктивно.

Сохранившаяся и в 2010-е годы комплексная взаимозависимость России и Турции (одна из отличительных черт отношений двух стран в 2000-е годы) напрямую отразилась и на характере торгово-экономических отношений с количественным (отрицательное сальдо торгового баланса) и качественным дисбалансом⁶⁵. Для России Турция оставалась преимущественно поставщиком текстиля, овощей и фруктов, а также строительным подрядчиком (т.е. относительно легко замещаемым партнером, что и показал опыт конфронтации после «самолетного кризиса»). Для Турции же Россия выступала труднозаменимым ключевым поставщиком энергоносителей и туристов, создателем национальной атомной энергетики (строительство АЭС «Аккую») и источником современных вооружений и военных технологий (поставки С-400).

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2020-е годы: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СБЛИЖЕНИЯ И КОНКУРЕНЦИИ

Оформившаяся во второй половине 2010-х годов в ходе выстраивания взаимодействия по Сирии специфическая модель российско-турецких отношений, сочетающая геополитическое соперничество с тактической военно-политической кооперацией, в самом начале 2020-х годов прошла два важных стресс-теста в очень разных региональных конфликтах — сначала в Ливии, затем во время нового обострения вокруг Нагорного Карабаха. Хотя вовлечение Турции в ливийский конфликт фактически началось еще в 2014 г. (в форме поддержки местных исламистских группировок в ходе начавшейся гражданской войны)⁶⁶, лишь в самом конце 2019 г. стало возможно говорить о полномасштабном вмешательстве, когда Анкара открыто поддержала Правительство национального согласия (ПНС), разместив на подконтрольной ему территории ударные беспилотники Bayraktar TB2, перебросив туда несколько тысяч боевиков сирийской оппозиции и направив к берегам Ливии турецкие

⁶³ Глава ФСВТС заявил о начале поставок в Турцию второго полка С-400 // РБК. 18.VIII.2022.

⁶⁴ Ульянов Н.Ю., Шлыков П.В. Указ. соч. С. 75–80.

⁶⁵ Demiryol T. Türkiye – Rusya Arasında Asimetrik İlişki ve Bağlımlılık // Perspektif. 05.V.2020.

⁶⁶ Joffé G. Libya: the new geopolitical arena // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. P. 681–688.

боевые корабли⁶⁷. Благодаря военной помощи Турции ПНС смогло быстро уничтожить незащищенные протяженные линии снабжения Ливийской национальной армии (ЛНА) Х. Хафтар, что существенно изменило баланс сил на земле. К середине апреля 2020 г. ПНС заняло важные города на западном побережье, достигнув границы с Тунисом, а ЛНА покинула южный Триполи, сдав практически все завоеванные годом ранее позиции. При этом соблюдались негласные «красные линии»: так, иностранным инструкторам ЛНА (предположительно из ЧВК «Вагнер») предоставлялась возможность покинуть позиции⁶⁸, а для восстановления нарушенного баланса сил и сдерживания продвижения ПНС в мае 2020 г. на подконтрольную ЛНА авиабазу «Джудфра» были доставлены истребители МиГ-29 и бомбардировщики Су-24⁶⁹.

Россия и Турция на ливийском направлении фактически воспроизводили модель конкурентного взаимодействия, налаженную в Сирии, и совместными усилиями заполняли возникший вакуум власти. Инициативы ООН по Ливии оказались малоэффективными, внутри ЕС и НАТО отсутствовало согласие по ливийскому вопросу (Франция и Греция поддерживали ЛНА, Италия и Мальта — ПНС), что ставило страны альянса на грань военного столкновения (10 июня 2020 г. турецкие корабли трижды нацеливались на французский фрегат *Le Courbet*, участвовавший в миссии по введению эмбарго на поставки оружия в Ливию⁷⁰). При этом России и Турции, находившимся в противоположных геополитических лагерях, удавалось взаимодействовать на тактическом уровне, избегая прямого столкновения (как временами случалось в Сирии) и наращивая свое военное и политическое влияние в Ливии.

Вторая Карабахская война 2020 г. совсем с иной стороны высветила складывающуюся модель российско-турецких отношений. Для Москвы этот конфликт имел принципиально иное значение, чем война в Сирии и Ливии, поскольку речь шла о безопасности на постсоветском пространстве. Активное вовлечение в него Турции воспринималось как вызов и своеобразный «ответ» на масштабное присутствие России в чувствительном для Анкары регионе — Сирии⁷¹. На протяжении острой фазы армяно-азербайджанского противостояния Москва публично не принимала чью-либо сторону, дорожа как союзническими отношениями с Арменией, членом ОДКБ, так и масштабным экономическим партнерством с Азербайджаном, и перешла к активным действиям только на завершающем этапе, чтобы усилить военное присутствие в зоне Нагорно-Карабахского конфликта и исключить других внешних игроков, в том числе Запад и Турцию, принимавшую непосредственное участие в конфликте на стороне Азербайджана. В отличие от России, у Турции прочные отношения имелись лишь с одной из сторон конфликта — Азербайджаном, и никаких — с Арменией (формально закрытая граница и отсутствие диппредставительства). Это давало пространство для маневра и позволило Турции реализовать масштабную и многоуровневую поддержку Баку в планировании и проведении боевых действий, активно участвуя в руководстве военными операциями, предоставляя свои ВВС и направляя на передовую несколько тысяч завербованных наемников-исламистов⁷². Турция таким образом нацеливалась на демонтаж переговорного формата Минской группы ОБСЕ (с участием Франции и США) и создание аналога «астанинского формата» по Карабаху, а также кратное наращивание военно-политического влияния на Южном Кавказе через Азербайджан (турецкие генералы руководили действиями азербайджанской армии⁷³, а считавшиеся пророссийскими военачальники заменялись на подготовленных в турецких военных академиях⁷⁴). С окончанием Второй Карабахской войны турецкое присутствие в армейском руководстве Азербайджана

⁶⁷ Turkey sent up to 3,800 fighters to Libya // The National. 20.VII.2020.

⁶⁸ Hundreds more Russian mercenaries flee western Libya // Al-Jazeera. 25.05.2020.

⁶⁹ Libya'nın tümünde kontrol sağlanmasının yolu // Anadolu Ajansı. 23.VI.2020.

⁷⁰ Turkey demands apology from France over naval incident claim // France-24. 02.VII.2020.

⁷¹ Isachenko D. Turkey-Russia Partnership in the War over Nagorno-Karabakh // SWP Comment. 19.XI.2020.

⁷² Syrian Observatory of Human Rights. 06.X.2020 // URL: <https://www.syriahr.com/en/187150/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷³ Принуждение к конфликту // Коммерсант. 16.X.2020.

⁷⁴ Azerbaijan-Türkiye Military Relations // Turkey Scope. 2023. Vol. 7. P. 1–6.

институционализировалось в виде Специальной группы военного командования под руководством четырех генералов вооруженных сил Турции⁷⁵. Все это показывало стремление Турции купировать геополитическое влияние России на постсоветском пространстве, что воспринималось как угроза национальной безопасности, поскольку «Закавказье становилось новым плацдармом для международных террористических организаций, откуда боевики в последующем могут просачиваться в сопредельные с Азербайджаном и Арменией государства»⁷⁶.

Подписание совместного заявления о прекращении огня в Нагорном Карабахе 10 ноября 2020 г.⁷⁷ показало ограниченность сирийской модели конкурентного взаимодействия Москвы и Анкары с точки зрения возможности ее экстраполяции на иной региональный контекст. На тот момент России удалось отстоять свои интересы, сохранив доминирование в армяно-азербайджанском политическом процессе, отодвинув на второй план двух сопредседателей Минской группы ОБСЕ (Францию и США) и ограничив распространение влияния Турции, которая даже не упоминалась в тексте совместного заявления. Россия размещала военных миротворцев в Нагорном Карабахе на территории Армении и Азербайджана (окончательно выведены весной 2024 г. после признания Ереваном границ Азербайджана по состоянию на 1991 г.), согласившись на создание совместного с Турцией центра мониторинга прекращения огня на территории Азербайджана (свернут в апреле 2024 г.), что стало символическим возвращением российских военных, покинувших Азербайджан в 2012 г.⁷⁸ При этом Вторая Карабахская война нанесла заметный имиджевый урон России. Москва не смогла в полной мере защитить важного союзника на Кавказе, а мировые СМИ облетели кадры уничтожения российских вооружений турецкими беспилотниками и израильскими ракетами, переданными азербайджанской армии. Прямым следствием стала и активизация турецко-украинского военного сотрудничества. В начале 2021 г. Анкара подписала с Киевом соглашение о сотрудничестве по 30 оборонным проектам, включающим закупку Украиной 48 ударных беспилотников Bayraktar TB2, развертывание совместного производства авиационных двигателей для перспективного беспилотника Bayraktar Akıncı, бронетехники и т.д. Уже в октябре 2021 г. украинская армия стала активно применять турецкие беспилотники в Донбассе⁷⁹.

Начало СВО в феврале 2022 г. не только маркировало новый виток поляризации в мировой политике вокруг России, но также обозначило новый этап в развитии модели конкурентного взаимодействия Москвы и Анкары. Западные страны инициировали беспрецедентные по своим масштабам экономические санкции против России и направили колоссальную по объему военную помощь Украине, стараясь изолировать Москву политически, экономически и финансово. Градус поляризации между Западом и Россией достиг невиданного со времен холодной войны значения, что пропорционально увеличило давление на Турцию с настойчивым требованием определиться с «правильной стороной». Однако Анкара продолжила следовать принципу разделения и комплементарности, продолжая вести торговлю и диалог с Россией, с одной стороны, и Украиной и западными союзниками — с другой. Как пояснял пресс-секретарь и главный советник Эрдогана по внешней политике И. Калын, «Турция, развивавшая сотрудничество с Россией и Украиной, в условиях войны не может принимать чью-либо сторону... мы должны выстроить диалог между всеми участниками конфликта ради прекращения войны»⁸⁰.

Турция объявила СВО «незаконным военным вторжением», проголосовав за осуждение России на Генассамблее ООН 2 марта 2022 г.⁸¹, и резко нарастила объемы военного

⁷⁵ В Баку создана спецгруппа военного командования Турции // Rusarminfo. 09.IX.2021.

⁷⁶ Нарышкин заявил, что Закавказье может стать новым плацдармом для сотен террористов // ТАСС. 06.X.2020.

⁷⁷ Заявление Президента АР, Премьер-министра РА и Президента РФ. 10.XI.2020 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64384> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷⁸ Russia and Turkey open joint military center in Azerbaijan // Eurasianet. 02.II.2021.

⁷⁹ Украина впервые задействовала турецкий беспилотник в бою в Донбассе // Lenta.ru. 26.X.2021.

⁸⁰ İbrahim Kalın: Rusya'ya yaptırım uygulamayı düşünmüyoruz // TRT Haber. 11.III.2022.

⁸¹ General Assembly resolution demands end to Russian offensive in Ukraine // UN News. 02.III.2022.

экспорта на Украину (в 30 раз уже к апрелю 2022 г. — с 1,9 млн долл. до 59,1 млн долл.⁸²), который включал поставки ударных беспилотников Bayraktar TB2⁸³ и бронемшины Kırpi⁸⁴. По сравнению с многомиллиардной американской и европейской военной помощью Украине объемы турецких военных поставок выглядели мизерными, но в первые месяцы войны, когда западная помощь ограничивалась противотанковыми и зенитными ракетами малой дальности, турецкие беспилотники ненадолго стали ее основным ударным оружием⁸⁵. Официальный Киев не скупился на комплименты в адрес Турции, В.А. Зеленский эмоционально благодарил «своего друга президента Р.Т. Эрдогана» за поддержку Украины и закрытие Черноморских проливов для российских кораблей в соответствии с положениями Конвенции Монре́ 1936 г.⁸⁶, забывая, что в начале февраля через Проливы в Черное море Россия перебросила значительные военно-морские силы⁸⁷.

При этом Анкара максимально дистанцировалась от санкционной войны против России. И. Калын постоянно подчеркивал, что Турция не считает возможным присоединиться к санкциям против России, поскольку, во-первых, имеет с ней тесные связи в таких чувствительных сферах, как энергетика, туризм и сельское хозяйство, а во-вторых, исходит из необходимости сохранить с Москвой открытый диалог ради мирного урегулирования конфликта⁸⁸. За первые полгода после начала СВО Турция более чем вдвое нарастила закупки российской нефти (с 90 тыс. до 200 тыс. баррелей в день), а в октябре 2022 г. Путин и Эрдоган по итогам саммита в Астане анонсировали выход российско-турецкого энергетического сотрудничества на новый уровень, представив проект создания в Турции «газового хаба», который мог бы стать альтернативой другим центрам определения цены газа в Европе⁸⁹. В этом же ключе можно упомянуть и дополнительные российские ассигнования в размере 5 млрд долл. на ускорение строительства АЭС «Аккую»⁹⁰, которые в условиях тяжелейшего финансового кризиса, переживаемого Турцией, стали важной дополнительной валютной ликвидностью для Центробанка.

На дипломатическом уровне Турция добила права проведения мирных переговоров на уровне глав МИД Украины и России (в Стамбуле 10 марта 2022 г.), которые хоть и провалились, но дали возможность турецким политикам говорить, что Турция — «единственная страна, которая действительно хочет прекращения украинского конфликта и прилагает искренние усилия для [восстановления] мира»⁹¹. Летом 2022 г. Анкара выступила посредником «зерновой сделки» между Россией, Украиной, Турцией и ООН об организации безопасного морского коридора⁹², а осенью 2022 г. организовала переговоры между главой СВР С.В. Нарышкиным и главой ЦРУ У. Бернсом на фоне ядерной эскалации⁹³.

В экономическом отношении Турция нацелилась на получение максимально возможных дивидендов от санкционной войны против России, привлекая ушедшие с российского рынка крупные международные компании и заполняя своими товарами освободившиеся ниши (подписанное еще в 2019 г. соглашение о расчетах в национальной валюте немало облегчило этот процесс). За короткий срок Турция смогла более чем двукратно увеличить

⁸² Ukraine's defence imports from Turkey jumped 30-fold in Q1 // Middle East Monitor. 06.IV.2022.

⁸³ Ukraine received 50 Turkish Bayraktar TB2 drones // Middle East Eye. 28.VI.2022.

⁸⁴ Turkey sends 50 mine-resistant vehicles to Ukraine // Defence News. 22.VIII.2022.

⁸⁵ Turkish-made drones likely involved in Moskva sinking // Nikkei Asia. 18.IV.2022.

⁸⁶ I thank my friend Mr. President of Turkey @RTErdogan // Twitter. 26.II.2022. URL: <https://twitter.com/ZelenskyyUa/status/1497564078897774598> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸⁷ 6 Russian Warships and Submarine Now Entering Black Sea Towards Ukraine // Naval News. 08.II.2022.

⁸⁸ İbrahim Kalın, "Rusya'ya yaptırım planlamıyoruz" dedi // Hürriyet. 01.III.2022.

⁸⁹ Новак привел подробности проекта по созданию газового хаба в Турции // Interfax. 23.XII.2022.

⁹⁰ Russia is Wiring Dollars to Turkey for \$20 Billion Nuclear Plant // Bloomberg. 29.VII.2022.

⁹¹ Kalın İ. Ukrayna savaşının bitmesini gerçekten isteyen... // Twitter. 21.IX.2022. URL: <https://twitter.com/ikalın1/status/1572566998328180737> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹² Black Sea grain exports deal "a beacon of hope" amid Ukraine war — Guterres // UN News. 22.VII.2022.

⁹³ Россия и США сходили в разведку друг на друга // Коммерсант. 14.XI.2022.

товарооборот с Россией⁹⁴ и занять второе после Китая место по совокупному объему торговли, а особое географическое положение позволило Турции стать важнейшим связующим звеном России с Европой в решении транспортно-логистических, товарных и энергетических вопросов и одним из главных негласных каналов параллельного импорта в Россию.

Двойственная позиция Турции по украинскому кризису, с одной стороны, вписывалась в логику внешней политики Анкары конца 2010-х годов с ее императивом стратегической автономии, с другой — показывала устойчивость и адаптивность модели конкурентного взаимодействия России и Турции в условиях стремительно меняющейся международно-политической конъюнктуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ динамики развития российско-турецкого взаимодействия в первой четверти XXI в. позволяет выявить специфику трех последовательно сменявших друг друга моделей отношений, для которых были характерны, во-первых, свой набор движущих сил, локализованный во времени и пространстве, и, во-вторых, особое сочетание элементов конкуренции и сотрудничества. Это сочетание также не было статичным и менялось в зависимости от конкретного наполнения двусторонних отношений, а также глобального и регионального контекста.

В 2000-е годы движущими силами российско-турецких отношений выступали взаимный экономический интерес и стремление двух стран создать более прагматичный фундамент взаимодействия по сравнению с периодом холодной войны, инерция которого во многом определяла состояние двусторонних связей в 1990-е годы. На первое десятилетие XXI в. пришлось формирование новой документальной базы, выявление сфер взаимной заинтересованности в противовес сложным вопросам двусторонних отношений, изменения в региональных и глобальных ориентирах, характерных для внешней политики Турции (отход от ориентации исключительно на структуры «коллективного Запада» при сохранении членства в них). Тем самым в этот период стратегическое недоверие сменилось таким состоянием связей России и Турции, которое можно было охарактеризовать как стратегическое партнерство или максимально возможное приближение к нему. При том, что экономические проекты, которые Россия и Турция начали разрабатывать в этот период, несли больше практических выгод именно для турецкой стороны, Россия рассматривала их как важный политический вклад в будущее поступательное развитие отношений.

Специфика отношений России и Турции в 2010-е годы заключалась как минимум в двух аспектах. Во-первых, в этот период они приобрели более зрелый и комплементарный характер. К этому времени сложилось понимание общности подходов двух стран к формированию более справедливого международного порядка. Во-вторых, российско-турецкие отношения прошли несколько тестов на прочность (в частности, в связи с «самолетным кризисом» 2015 г. и необходимостью приведения к общему знаменателю разнонаправленных интересов России и Турции в серии региональных конфликтов — Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе). В результате в ходе этого десятилетия сложилась такая модель отношений, которая не была свободна от противоречий, но характеризовалась становлением дипломатических инструментов аккомодации интересов друг друга либо готовностью к активному поиску таковых.

В первой половине 2020-х годов российско-турецкое взаимодействие во многом определялось динамикой развития украинского кризиса, в результате которого Турция, не присоединившаяся к антироссийским санкциям, оказалась для России одним из ключевых незападных партнеров в политико-дипломатическом (как посредник в переговорном процессе на ранних стадиях кризиса) и экономическом отношении (как альтернативный ЕС торговый и логистический партнер). Для Турции же Россия стала значимым источником наращивания своей международно-политической субъектности на региональном и даже глобальном уровне.

⁹⁴ Товарооборот России и Турции за 9 месяцев удвоился // Interfax. 21.10.2022.

При этом константой для всех трех этапов стоит считать нарастающую комплементарность позиций и заинтересованность в развитии системы альтернативных западным глобальных и региональных институтов. При том, что Россия и Турция руководствуются разными соображениями — Россия пытается выступать в качестве лидера этого процесса, а Турция рассматривает эти институты в качестве страховки и полезной альтернативы в дополнение к своему участию в западных институциональных форматах — их обоюдная заинтересованность в активизации такой системы вполне может дать кумулятивный эффект в дальнейшем.

Библиография / References

- Дружиловский С.Б., Аватков В.А. Внешнеполитические идеологии Турции // Обозреватель — Observer. 2013. № 6 (281). С. 73–88.
- Надеин-Раевский В.А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.
- Страны Востока во внешней политике России / под ред. Д.В. Стрельцова, К.А. Ефремовой. М., 2022.
- Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности. М., 2014.
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Евразией // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 51–88.
- Druzhilovskij S.B., Avatkov V.A. Vneshnepoliticheskie ideologemy Turcii (2002–2012 gg.) [Foreign Policy Ideologies of Turkey (2002–2012)] // Obozrevatel' [Observer]. 2013. № (281). S. 73–88. (In Russ.)
- Nadein-Raevskij V.A. Vneshnyaya politika Turtsii: vetry peremen [Turkey's Foreign Policy: Winds of Change] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [The world economy and international relations]. 2013. № 2. S. 84–92. (In Russ.)
- Shlykov P.V. Mezhdru SSHA, Yevropy i Yevraziyey [Between the USA, Europe and Eurasia] // Aktual'nyye problemy Yevropy [Current problems in Europe]. 2020. № 1. S. 51–88. (In Russ.)
- Strany Vostoka vo vneshney politike Rossii [Countries of the East in Russian foreign policy] / red. D.V. Strel'tsov, K.A. Yefremova. Moskva, 2022. (In Russ.)
- Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V. Dinamika rossiysko-turetskikh otnosheniy v usloviyakh narastaniya global'noy nestabil'nosti [Dynamics of Russian-Turkish relations in the context of increasing global instability]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Aktürk Ş. Turkish-Russian Relations After the End of the Cold War (1992–2002) // Turkish Studies. 2006. Vol. 7. P. 337–364.
- Arslantaş D., Kaiser A. The “Competitive Authoritarian” Turn in Turkey // Third World Quarterly. 2023. Vol. 44. P. 496–512.
- Baev P. Turkey and Russia // The Routledge Handbook of Turkish Politics. London, 2019. P. 413–425.
- Balta E., Çelikpala M. Turkey and Russia // The Oxford Handbook of Turkish Politics. Oxford, 2021. P. 585–604.
- Çagaptay S. Erdogan's Empire. London, 2019.
- Dalay G., et al. Turkey and the West // The German Marshall Fund of the US. Policy Paper. 2020. № 6. P. 1–18.
- Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. İstanbul, 2001.
- Ergen E., Köstem S. Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order. London, 2019.
- Ikenberry G.J., et al. Introduction // World Politics. 2009. Vol. 61. № 1. P. 1–27.
- Joffé G. Libya: the new geopolitical arena // The Journal of North African Studies. 2020. Vol. 25. № 5. P. 681–688.
- Kubicek P. Strictly Pragmatism? // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2021. Vol. 23. № 2. P. 233–250.
- Mearsheimer J.J. Bound to fail // International Security. 2019. Vol. 43. № 4. P. 7–50.
- Oğuzlu T. Decoding Turkey's Rise // Turkish Studies. 2013. Vol. 14. P. 617–636.
- Öniş Z., Yılmaz Ş. Turkey and Russia in a shifting global order // Third World Quarterly. 2016. Vol. 37. P. 71–95.
- Özcan G., et al. Kuşku ile Komşuluk. İstanbul, 2017.
- Parlar Dal E. Impact of the transnationalization of the Syrian civil war on Turkey // Cambridge Review of International Affairs. 2016. Vol. 29. P. 1396–1420.
- Shlykov P. The state of strategic hedging: Turkey's foreign policy and relations with Russia // Russia in Global Affairs. 2023. Vol. 21. P. 134–158.